

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Chuvash State Institute of Humanities

Чăваш чĕлхи:
ёнер, паян, ыран
Тĕнче симпозиумĕ
Шупашкар, 2004 çулхи чŭк 2–4

Международный симпозиум
Чувашский язык:
вчера, сегодня, завтра
Чебоксары, 2–4 ноября 2004 г.

International Sumposium
Chuvash Language:
Past, Present, Future
Cheboksary, November 2–4, 2004

Шупашкар—Чебоксары—Cheboksary
2010

УДК 811.512.111

ББК 81.2Чув

Ч-12

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор
А. П. Хузангай

Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра. Материалы
Международного симпозиума. — Чебоксары: ЧГИГН, 2010. —
424 с.

ISBN 978–5–87677–150–6

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2010

*В. К. Кельмаков,
Удмуртский государственный университет,
Ижевск*

К ПРОБЛЕМЕ БУЛГАРИЗМОВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ II*

0. Как известно, определенные следы исторического прошлого языка, уже утраченные “метрополией” языковой системы, нередко сохраняются, хоть и не всегда отчетливо, в ее маргинальных областях, каковыми являются диалекты, ономастикон, язык некоторых произведений фольклора, ранние памятники письменности и т. д. Причем это касается всех уровней системы языка, с одной стороны, и не только исконных элементов, но и ранних заимствований, – с другой.

0.1. Проследим сказанное на фонетическом материале – на примере праудмуртского фонетического изменения первичного гласного **o* в *y*, совершившегося на рубеже XIV–XV вв. и охватившего абсолютно большую часть лексики с искомым гласным в пределах первого слога [Кельмаков 1978]. Однако этот праудмуртский гласный **o* до сего дня представлен в своем первоначальном виде в отдельных диалектных формах (преимущественно во втором компоненте сложного слова), например:

1) удм. лит. *мурт* ‘человек’, ‘чужой’ || диал. (-) *мурт* ~ (-) *морт* (< оп. **mort* [Лыткин 1964, 88; КЭСК, 174] > к. *морт* ‘человек’): (а) памятники письменности XVIII в.: (Паллас) *Вынморт* ‘Брат’ (Пам., 81) (удм. лит. *вынмурт* ‘племянник’

* Является продолжением статьи “К проблеме булгаризмов в удмуртском языке. I”, опубликованной в сб.: Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: Сборник научных статей. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я.Яковлева; Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004.

(УРС 1983: 103), удм^{орт} 'вотякъ' (Кр. 1785, 235), угь-морт 'отякъ' (Мог. 1786, 52); диал.: *urt-mort* 'удмурт' (Munk., 90, 722), малм. *ud-mort* (Munk., 90); глаз., уфим. *ud-mort*, м.-урж. *uk-mort*, м.-урж., уфим. *urt-mort* 'удмурт' (WW., 166); сред. удморт, каз. укморт (Бор., 297); кузм. у'морт 'удмурт; удмуртский'; "Удморт" – псевдоним Г. Е. Верещагина, под которым издана его грамматика "Руководство к изучению вотского языка" (Ижевск, 1924, 120 с.) (удм. лит. удмурт); (в) памятники письменности XVIII в.: (Паллас) *чужморт* 'дядя' (Пам. 81), *чужмортъ* 'братъ старшій, двоюродный брат и дядя по матери' (Кр. 1785, 238), *чужь-мортъ* 'дядя' (Мог. 1786, 49); диал.: каз. *ciž-mort* 'дядя (по матери)' (Munk. 298); м.-урж. *tšič-mort* 'дядя (со стороны матери)' (WW. 277); кузм. *чужморт* 'дядя по матери' (удм. лит. *чужмурт*);

2) удм. лит. *мульы* 'ягода; плод', 'косточка (плода)', 'семя; орех' || диал. -*мул'ы* ~ -*мол'и*, -*мол'ы*, каз. *mol'i* 'ягода' (Munk., 722, 730); глаз., м.-урж. -*mol'i*, м.-урж. -*mol'i* (WW. 165), кузм. -*мол'и* 'плод; ягода', 'орех' (< оп. *mol'i* [Лыткин 1964, 53–54; КЭС, 174] > к. *моль* 'пуговка, косточка, бусинка'): каз. *piš-mol'i* 'орех' (Munk. 538, 595, 730); глаз. *piš-mol'i*, м.-урж. *piš-mol'i*, *piš-mol'i*, *piš-mol'i* 'орех' (WW. 213); сред. *пушмольы* 'орех' (Бор. 216); кузм. *пушмол'и* (удм. лит. *пушмолы*); каз. *těk-mol'ok*, *těpě-těkmol'ok* 'желудь' (Munk., 352, 722); *тыкмоли*, *тыны тыкмольы*, *тыны-тыкмолёк* 'желудь' (Бор., 292, 293); кузм. *т'мол'и* 'желудь' (удм. лит. *тытымолы*). И др.

Этот же первичный гласный *о* сохранился без изменения в тексте одной из архаичных трудовых песен – в песне пчеловода, которая была записана в 1961 г. в д. Гучин-Бодья Кизнерского р-на Удмуртской АССР от 80-летней М. Я. Комаровой (по ее мнению, эту песню хранили и исполняли представители лишь ее рода в течение последних 300–350 лет) [Поздеев 1967, 7]. В ней звучит такая строфа-обращение к пчелам:

*Доніе, доніе, дон папае,
Дон папае, шундыё куазе,
Шундыё куазьдэ съџд пилем кадь
Карса потысалыд ке,
Доніе, доніе* [Поздеев 1967, 6].

глаз. *kal'* 'скоро, тотчас, теперь', *kal'l'ala* 'теперешний, нынешний' (WW, 88); сев. *каль* 'теперь, ныне, сейчас', *каль азе* 'до сей поры, доселе', *каль гинэ* 'только сейчас', *каль – ик* 'теперь же, сейчас же', *кальгес* 'только что недавно' (Бор., 125); *каль* диал. 'сейчас, теперь', *каль ик* 'сейчас же', *кальгес* 'недавно', *каль гинэ* 'только что, совсем недавно' (УРС 1983, 183) (ср. чув. *халё/халь* 'теперь, сейчас, нынче и др.' || тур. *хала*, тат., башк. *але* [Федотов 1996 II, 309]); в срединных говорах и в южном наречии вместо него употребляют слово *ал'и* (< тат. *але* 'теперь, сейчас, ныне; еще, пока, все еще' (ТРС 1966, 729), и т. д.

1. Именно в этих своеобразных архивах древностей – в диалектной лексике и языке произведений фольклора – в последнее время обнаружены мною еще два удмуртских лексических булгаризма, не выявленные предшествующими исследователями: *кынзыр* и *карта*.

1.1. Слово *кынзыр* 'близорукий' «Удмуртско-русский словарь» (1983) дает с пометой *диал* (УРС 1983, 243). В диалектологических словарях Б. Мункачи (1896) и Ю. Вихманна (1987, материал собран в конце XIX в.) данного слова мне не удалось обнаружить; словарь Т. Борисова (Бор, 160) представил его так: *кынзыр* сред. 'близорукий', откуда оно попало в современный удмуртский словарь (УРС 1983). В кукморском диалекте *кын'зыр* употребляется в следующих сочетаниях: *кын'зыр ўс'кэ* 'смотрит из-под прикрытых век', *кын'зыр а'зэ* 'видит слабо (плохо)' и др.

В произведениях современной литературы мне пока удалось обнаружить лишь его производное на *-ес* (*кынзыр-ес* 'близорукий, подслеповатый, с прищуром; близоруко, подслеповато, с прищуром') – в рассказах Е. Самсонова, носителя одного из южноудмуртских говоров: *Вагонэ пырон доры вуиз лапег мугоро, паськыт нельпумо адыми. Котмемын со, синъёсыз кынзырес учко* (Сам., 69). 'К дверям вагона подошел низкорослый, широкоплечий человек. Он весь мокрый, глаза смотрят подслеповато (с прищуром)'. *Со – Фёдор Иванович Ворожейкин, егит врач, пййшураны но чорыганы яратйсь маке, ѳукналы быдэ гираос жутьясь спортсмен. Кынзырес синъёсыныз пеймытысь сюресэз учке* (Сам., 80). 'Это – Фёдор Иванович Ворожейкин, молодой врач, любитель охоты и рыб-

ной ловли, спортсмен, каждое утро занимающийся гириями. Он близорукими глазами высматривает в темноте дорогу’.

Это диалектное слово, не имеющее в удмуртском языке производящей основы, явно восходит к тюркскому источнику, ср.: чув. *хәнчәр* ‘косой’, *хәнчәр куслә* ‘косоглазый’ || *кынжыр* (АФТ), кирг., полов. *кыңыр*, тат. *кыңыр*, уйг. *киңир* ‘косой’, ‘косоглазый’; ‘кривой’; чаг. *кинчир* ‘одноглазый’, ‘косоглазый’ и др. [Егоров 1964, 293]; чаг. *кинчир* ‘одноглазый; косоглазый; уродливый, имеющий телесный недостаток’, тур. *кынчыр* ‘нецелый, с недостатком’, ком. *кунзур* ‘косоглазый’, др.-тюрк. *qıñır* ‘косоглазый’ и т. д. [Федотов 1996 II, 329]. На непосредственный болгарский источник удмуртского *кынжыр* указывает, как можно заметить, специализированная, весьма узкая по сравнению с тюркским этимологом, семантика удмуртского слова, во-первых; в фонетическом отношении исключительная близость его к чувашскому оригиналу, – во-вторых.

1.2. В произведениях североудмуртской народной поэзии нередко встречается устойчивое поэтическое сравнение *карта кадь* ‘словно карта’, употребляемое по отношению ко двору или предвратию, напр.:

*Карта кадь азбаре,
Карта кадь азбаре. –
Сое но чужыны
Одйг кенэ мед луоз вал.*

*Карта кадь капказе,
Карта кадь капказе. –
Сое но чужыны
Одйг кенэ мед луоз вал.*

(Жинг. удм. кыр. 101)

’Подобно **карта** мой двор, Подобно **карта** мой двор. –
Чтобы подмести его, Была б у меня одна сноха. Подобно **карта**
мое предвратие, Подобно **карта** мое предвратие. – Чтобы
подмести его, Была б у меня одна сноха’.

Записанная от воспитанников детского дома № 3
г. Ижевска, эта песня не поддается точной локализации в

удмуртской языковой области: в книге не указано, откуда были родом информанты. Следующая же песня, имеющая строки: *Ой, кылёз ук, кылёз Карта кадь по азбаред*. 'Ой, останется ведь, останется, Подобно карта твой двор', была записана в 1977 г. Л. В. Серебренниковой в д. Березовка Дебесского р-на от А. Н. Серебренниковой (62 г.). В вариантах этой песни и в других песенных текстах сравнение *карта кадь (азбар)* 'подобный карта (двор)' зафиксировано во многих северных районах Удмуртии: Глазовском, Кезском, Балезинском, Игринском и др. Самый южный пункт распространения народных песен, содержащих подобное сравнение, как свидетельствуют материалы К. Герда, – это д. Казмаска Завьяловского района.

Исходя из содержания песен, исследователи затрудняются определить смысл сравнения *карта кадь*, хотя П. К. Поздеев определил его значение как 'широкий, просторный' – такой вольный перевод он и предлагает в книге И. К. Травиной «Удмуртские народные песни»: *Ой, кылёз ук, кылёз Карта кадь азбаре*. 'Ой, останется, ведь останется Мой широкий двор' (Трав., 144).

Поскольку сравнительный фразеологизм *карта кадь* сочетается преимущественно со словом *азбар* 'двор', проследим, какие еще эпитеты употребляются в старинных песнях для положительной характеристики двора (*азбар*): *Садо, садо азбаре но, Соин шулдыр азбаре* (Жинг. удм. кыр. 64). 'С садами, с садами мой двор, Потому и красив мой двор'; *Чошкыт, чебер гуждоро Вож азбармы, ание* (Жинг. удм. кыр., 122). 'Ровный, красивой травкой заросший Наш зеленый двор, моя сестричка'; *Э, азбаре, азбаре, Тон шулдыр но(й) азбар вал* (Трав., 163). 'Э, двор мой, двор мой, Ты красивый да был двор'; *Э, азбаре, азбаре, Садо, шулдыр азбаре* (Из записи, произведенной в Кезском р-не в 1975 г.). 'Э, мой двор, мой двор, Обсаженный, красивый мой двор'; *Э, азбарэ, азбарэ, садо шулдыр азбарэ*. 'Э, мой двор, мой двор, Красивый обсаженный двор' (ОУР, 76); и др. Во всех приведенных отрывках красота двора подчеркивается указанием на то, что он 'ровный', 'зеленый', 'травкой заросший', 'обсаженный' и т. д.

В этом отношении несколько выделяется образ двора, который представлен в северноудмуртской песне, опубликованной Н. Первухиным в конце XIX в., где особо акцентируется внимание на зажиточности хозяина – двор его похож на “городской базар” (весьма вольный перевод песни принадлежит самому собирателю):

Ма кадь мынамъ улэмэ?!

Ма кадь мынамъ шудэ?!

Лудъ тырь кабанэ,

Кенось тырь ю-э!

Гидъ тырь животэ,

Шыкысь тырь уксе-э!

Пурудъ тырь чорыгэ,

Корка угъ тэръ семья-э!

Синъ тырмонъ кадь корка-э,

Каръ базаръ кадь азбарэ!

’Какъ прекрасно я устроилъ все житье-бытье?!

Какъ полно и неизмѣнно счастье мое?!

Что кладухъ немолоченныхъ у меня въ поляхъ?

Сколько хлѣба зерноваго – въ крепкихъ закромахъ!

Всѣ скотомъ мои конюшни и хлѣва полны,

А въ шкатулкахъ моихъ твердыхъ не искать казны!

Стаи разныхъ рыбъ гуляютъ у меня в прудѣ,

А семья находить мѣсто лишь съ трудомъ въ избѣ!

Все, что есть въ избѣ, не сразу схватить бѣглый взоръ!

Сходень съ площадью базарной мой широкій дворъ!’ (Перв., 46).

1.2.1. В удмуртском языке в совокупности его диалектов имеется несколько омонимичных слов *карта*, которые при наличии определенных условий могли бы иметь отношение к сравнению *карта кадь*:

1) ‘карта географическая’. Следует заметить, что она вошла в жизнь удмуртов весьма поздно – возможно, в конце XIX – начале XX века, так что едва ли удмурты имели возможность сравнивать свой двор в старинных песнях с данным предметом;

2) ‘карты игральные’. Удмурты в своих песнях выражают

резко отрицательное отношение к ним, о чем свидетельствуют хотя бы следующие отрывки:

*Чильыр-чильыр чиялоз, шу,
Жок вылын но картаед –
Азьтэм гинэ пинал пилэн
Мылкыдъёсыз со вылын (Удм. кыр., 43).*

’Ярким блеском засверкают, мол, На столе да карты.
У ленивого да паренька Вожделение на них’.

*ой но, ой, мэийэ,
ой но, ой, д’ад’ийэ,
эн бас’ты чиган но ныйосыз.
чиган но ныйосыз,
ой но, ой, бас’тит кэ,
картайэн шудыны дышэтозы.*

(Запись произведена летом 1972 г. в Граховском р-не Удм. АССР.) ’Ой да, ой, матушка, Ой да, ой, батюшка, Не сватайте за меня девушку-цыганку. Коли девушку да цыганку, Ой да, ой, возьмете, В карты играть пристрастят’. Если принять во внимание, как удмурты опозитизировали в песнях свой двор (см. выше), то сравнение его с “презренными” игральными картами отпадает. Да и объект сравнения в данном случае, кажется, не особенно похож на сравниваемый предмет;

3) ’желудок жвачных животных’. Это слово попало в отдельные периферийно-южные диалекты относительно недавно из татарского языка, в котором: *карта* ’толстая кишка (лошади)’ (ТРС, 236), в языке пермских татар *карта* ’кишка’, *тоқон карта* ’слепая кишка’, *тәқыя карта* ’сетка (отдел желудка жвачных животных)’, *оло карта* ’желудок’ [Рамазанова 1996, 133] – имеет далеко идущие параллели и в других тюркских языках (ср.: якут. *charta* ’толстая кишка, жирный кишечный канал’, ’кишечный жир’ [Räsänen 1969, 239]. Разумеется, и данное слово не имеет никакого отношения ко двору.

Выявить первичное значение слова *карта* в устойчивом сравнении *карта кадь* дают возможность родственные языки, в которых имеется сходное слово, напр.: к. *карта* ’хлев’, *диал.*

'дом, двор'; хозяйство'¹; мордЭ. *кардо*, мордМ. *карда* 'хлев, конюшня', *кардас* мордЭ. двор, хлев', мордМ. хлев, двор, загон (для скота)' (ЭРС 1993, 235, 236; МРС 1998, 230); манс. *kartä* 'окруженная стеной крепость', 'скотный двор', *koart*, *kärtä*, *kārta* 'двор', хант. *karta*, *kartaŋ*, *kärtäŋ* (< к. [Rédei 1970, 111; КЭСК, 118; Rédei, Róna-Tas 1973, 284]) и т. д., причем оно считается в них болгарским заимствованием (< оп. **karta* < ср.-булг. **kärtä* [Rédei, Ryna-Tas 1973, 284]). По мнению В. Г. Егорова [1964: 91], слово *карта*, имеющее далекие параллели в тюркских языках (чув. *карта* 'изгородь, ограда', 'скотный двор, хлев', 'огород', 'круг' || тат. *киртә*, башк. *кәртә* 'изгородь, ограда', башк. 'хлев', азерб. *кирдә* 'круглый'), проникло из болгарского языка, с одной стороны, в финно-угорские языки (к. *карта* 'хлев, скотный двор', морд. *карда*, *кардо* 'хлев, конюшня', *кардас* 'двор', манс., хант. *карта*, *карда* 'двор', 'круг', саамН. *garðde* 'круг', фин. *kartano* 'усадьба, дом', венг. *kert* 'сад'); с другой стороны, в кавказские (арм. *керт* 'город', груз. *карта* 'огороженное место для скота', сев.-осет. *кәрт* 'двор', 'хлев'), причем основным передатчиком этого слова в кавказские языки мог оказаться язык алан, с которыми в историческом прошлом контактировали болгары (см. также: [Федотов 1968, 108; 1996 I, 232])².

¹ Второе значение слова ('дом, двор'; 'хозяйство'), характерное для древнепермского языка и отдельных северо-западных диалектов коми языка, возникло, по-видимому, под влиянием прибалтийско-финских языков, ср.: фин. *kartano* 'двор, большое имение, усадьба' [КЭСК, 118; Rédei, Róna-Tas 1973, 284].

² Учитывая широкое распространение сходного слова в различных языковых семьях, венгерские ученые пишут: "Слово известно во многочисленных кавказских языках (ср.: груз. *karta*, мегр. *karta*, осет. *kaert*, чеч. *kert*, ингр. *kärt*, арм. *k'ert*...), а также в ряде финно-угорских (мордЭ. *kardo*, мордМ. *karda*; хант. *karta*, *kartaŋ*, *kärtäŋ*, манс. *kärtä* < к.). В то же время со словами, имеющими сходный фонетический облик и идентичную семантику, встречаемся в венгерском (*kert*), индоевропейских языках (гот. *garda*, др.-фриз. *garde*, ст.-слав. *ogradъ* 'сад', *gorod* 'город', греч. *χортос*, лат. *hortus*, даже хет. *gurtas*...). Хотя венгерское слово имеет безупречную финно-угорскую этимологию, чувашское – тюркскую, индоевропейские – индоевропейскую, возникает вопрос, перед нами не древнее ли бродячее культурное слово, которое по истечении времени приспособилось к системе отдельных языков. Историко-экономический фон этому могло создать кочевое поселение с садом. Мордовские, коми и волжско-кыпчакские данные имеют несомненное чувашское происхождение" [Rédei, Róna-Tas 1973, 284].

При таком раскладе первичное значение конструкции *карта кадь* (*азбар*) можно реконструировать как 'огороженный забором (возможно, в виде бревенчатого сруба) (двор)'. Отголоски этой семантики звучат, как мне кажется, в одной из северноудмуртских песен, записанных в конце XIX в. Ю. Вихманном, где двор, достойный внимания автора песни, в новых условиях уже окружен стеной из кирпича:

kîŧ,ŝe gine mînam azbare?
koŧŧra koŧŧrtemîŋ kirpit'snoi st'enažen.
kîŧ,ŝe gine mînam sade?
śaśkajosîz kîŧ,ŝeieś gine?

kîŧ,ŝe gine mînam korkaje?
kîŧ,ŝe gine mînam vorotaje?
karijslen kad'.
 (WotjSpb. I. 98)

'Каков только двор мой? **Кругом обнесен кирпичной стеной.** Каков же сад мой? Каковы цветы в нем? ... И каков дом мой? Каковы ворота мои? Как у городских'.

Наличие слова *карта*, употребляемого в связанном виде в составе устойчивого сравнения *карта кадь* в произведениях северноудмуртской народной лирики, дает возможность опровергнуть мнение, которое, с легкой руки Ю. Вихманна, считается общепринятым: коми слово *карта*, восходящее к болгарскому источнику [Wichmann 1903, 69], не имеет удмуртского соответствия (по крайней мере, его не приводят) [Лыткин 1963, 132; КЭСК, 117; Федотов 1968, 107–108; Rédei, Róna-Tas 1973, 284; и др.]. В связи с этим Ю. Вихманн относительно коми *карта* выдвигает два предположения: (1) или удмуртская параллель этого коми (< прапермского) слова в ходе истории была утрачена, (2) или коми язык заимствовал его независимо от удмуртского [Wichmann 1903, 69; см. также: КЭСК, 117–118].

Как можно заметить, хотя слово *карта* действительно вышло в удмуртском языке из активного употребления как самостоятельная лексическая единица, однако оно сохранилось

на периферии языковой системы – тем самым подтверждается первая гипотеза Ю. Вихманна.

Кстати, предположение о наличии болгарского заимствования *карта* в языке произведений удмуртского фольклора, было печатно высказано мною еще в 1980 г. [Кельмаков 1980], однако исследователи удмуртско-болгарских языковых контактов не обратили на него должного внимания. Вполне можно понять, что научно-популярная статья об употреблении и происхождении удмуртского слова *карта*, опубликованная на удмуртском языке в республиканском литературно-художественном и общественно-политическом журнале, по вполне понятным причинам могла не дойти до зарубежного исследователя; однако трудно объяснить какими-то разумными доводами игнорирование такого сведения удмуртским лингвистом И. В. Таракановым, крупным специалистом в области удмуртско-тюркских языковых контактов, в исследованиях которого на данную тему это слово – даже после выхода статьи о нем – не заняло соответствующего места в составленных им списках болгарских лексических элементов удмуртского языка³ [Тараканов 1981, 38; 1982, 37, 52; 1982а, 154; 1993, 77].

Условные сокращения языков и диалектов:

авест. – авестийский язык; *азерб.* – азербайджанский язык; *арм.* – армянский язык; *башк.* – башкирский язык; *венг.* – венгерский язык; *гаг.* – гагаузский язык; *глаз.* – глазовский диалект удмуртского языка (в ранних источниках); *гот.* – готский язык; *греч.* – греческий язык; *груз.* – грузинский язык; *диал.* – диалект, диалектная форма; *др.-тюрк.* – древне-

³ Правда, эти списки оказались весьма противоречивыми по количеству болгарских заимствований в удмуртском языке и разношерстными по их составу. Так, в ряде своих исследований удмуртский лингвист декларативно называет следующие цифры: 196 [Тараканов 1980, 129], более 190 [Тараканов 1981, 32], 203 [Тараканов 1982, 36], более 200 [Тараканов 1982а, 153; 1993, 25], около 200 [Тараканов 1993, 24] и т. д.; и в то же время фактически приводит то 194 [Тараканов 1980, 129–134], то 182 [Тараканов 1981, 33–51], то 204 [Тараканов 1982, 36–42], то 161 [Тараканов 1982, 52–74] болгарское заимствование.

тюркский язык; *др.-фриз.* — древнефризский язык; *др.-чув.* — древнечувашский язык; *елаб.* — елабужский диалект удмуртского языка (в ранних источниках); *елабИсл.* — елабужский диалект (по Вл. Ислентьеву); *ие.* — индоевропейские языки, индоевропейский праязык; *ингр.* — ингрельский язык; *к.* — коми(-зырянский) язык, см. *кз.*; *каз.* — казанский диалект удмуртского языка (в ранних источниках); *кз.* — коми-зырянский язык, см. *к.*; *кирг.* — киргизский язык; *ком.* — команский язык; *ки.* — коми-пермяцкий язык; *кр. юж.* — крайне-южное наречие удмуртского языка (по Т. К. Борисову); *кукм.* — кукморский говор удмуртского языка; *кя.* — коми-язьвинский диалект; *лат.* — латинский язык; *литов.* — литовский язык; *малм.* — малмыжский диалект удмуртского языка (в ранних источниках); *манс.* — мансийский язык; *мегр.* — мегрельский язык; *монг.* — монгольский язык; *морд.* — мордовские языки; *мордЭ.* — эрзя-мордовский язык; *м.-урж.* — малмыжско-уржумский диалект удмуртского языка (в ранних источниках); *осет.* — осетинский язык; *оп.* — общепермский язык-основа (праязык); *полов.* — половецкий (куманский) язык; *праудм.* — прайдмуртский язык; *рус.* — русский язык; *саамН.* — норвежско-саамский язык; *санскр.* — санскритский язык; *сар.* — сарапульский диалект удмуртского языка (в ранних источниках); *сев.* — северное наречие удмуртского языка; *сев.-осет.* — североосетинский язык; *сред.* — срединные говоры удмуртского языка; *ср.-булг.* — среднебулгарский язык; *ст.-слав.* — старославянский язык; *тат.* — татарский язык; *тур.* — турецкий язык; *удм. лит.* — удмуртский литературный язык; *уйг.* — уйгурский язык; *уфим.* — уфимский диалект удмуртского языка (в ранних источниках); *фин.* — финский язык; *хант.* — хантыйский язык; *хет.* — хетский язык; *чаг.* — язык чагатайской литературы; *чеч.* — чеченский язык; *чув.* — чувашский язык; *шошм.* — шошминский говор удмуртского языка; *якут.* — якутский язык.

Литература и источники

АФТ — Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. — СПб., 1900.

Бор. — Удмурт кылпокам = Толковый удмуртско-русский словарь / Т. К. Борисов. — Ижевск: Удм. ин-т ист. языка и лит. УрО АН СССР. 1991. — 384 с.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / НИИ при Сов. Мин. Чув. АССР. — Чебоксары: Чув. кн. изд-во. 1964. — 356 с.

Жинг. удм. кыр. — Жингырты, удмурт кырзан! Нотаосын кырзан сборник / Ист., экон., лит. но кыгъя Удм. НИИ. Лит. но фольклоръя сект.; Дасяз П. К. Поздеев. — Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. — 395 б.

Кельмаков В. К. К вопросу о “двух о” в праудмуртском языке // СФУ. 1978. № 1 (XIV). — С. 20–40.

Кельмаков В. К. Кызбы валано таёе ёшатонзз? // Молот. 1980. № 9. 50–51-тй б.

Кр. 1785 — Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. — Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ росспіскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

КЭСК — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. — М.: Наука, 1970. — 386 с.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. — М.: Наука, 1964. — 270 с.

Лыткин В. И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV / АН СССР. Ин-т языкозн.; Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. — Ижевск: Удмуртия, 1967. — С. 151–142.

Мог. 1786 — Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям — Л. Е. Кириллова; Предисл. — К. И. Куликова; Прил. — Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: С. 192–201.

МРС 1998 — Мокшанско-русский словарь / НИИ яз., лит., ист., экон. при Правит. Респ. Мордовия. — М.: Русский язык, Дигора, 1998. 920 + 40 (Прил.) с.

ОУР — Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. — Ижевск: Удмуртия, 1981. — 299 с.

Пам. — Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. В. И. Лыткин. — М., 1965. Вып. 1. — 324 с.

Первухинъ Н. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда: Эскизъ III: Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзіи вотяковъ (лирическихъ и дидактическихъ). — Вятка, 1888. 82 + II с.

Поздеев П. Мылкыдзз лӧпкыто, сюлэмез вырӧыто. — Ижевск: Удмуртия, 1967. — 72 б.

Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар / АН РТ. Ин-т языка, лит. и ист. Казань, 1996. — 240 с.

Сам. — Самсонов Е. Зор бере: Веросьёс. — Ижевск: Удмуртия, 1967. — 165 б.

Тараканов И. В. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Труды / Чув. НИИ. — Чебоксары, 1980. Вып. 97: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. — С. 127–136.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удм. гос. ун-т. Каф. удм. языка и лит. — Ижевск, 1981. — 105 с.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты / Науч. ред. Г. А. Ушаков. — Ижевск: Удмуртия, 1982. — 188 с.

Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. — Ижевск, 1982а. — С. 145–175.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). — Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1993. — 170 с.

ТРС 1966 — Татарско-русский словарь / АН СССР. Казан. ин-т яз., лит. и ист. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 864 с.

Трав. — Травина И. К. Удмуртские народные песни. — Ижевск: Удмуртия, 1964. — 228 с.

Удм. кыр. — Герд К. Удмурт кырзангёс. — М., 1924. — 66 б.

УРС 1983 — Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Под ред. В. М. Вахрушева. — М.: Русский язык, 1983. — 591 с.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. — Чебоксары, 1968. — 214 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. — Чебоксары: Чув. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. 1: А–Р. 470 с.; Т. 2: С–Я. — 509 с.

ЭРС 1993 — Эрзянско-русский словарь / НИИ яз., лит., ист., экон. при Правит. Морд. ССР. — М.: Русский язык, Дигора, 1998. 804 + 48 (Прил.) с.

Munk. — Munkácsi B. A votják nyelv szótára. — Budapest, 1896. XVI + 758 l.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. — Helsinki, 1969. — 533 S.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai — Kiadó, 1970. — 195 S.

Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek öspermi kori bolgár-török jövevényszavai // NyK. 1973. № 2 (74). 281–298 old.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. XXVIII + 171 S.

WotjSpb. I. — Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. — Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S.

WW — [Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. — Helsinki, 1987 (= LSFU XXI). XXIII + 421 S.